

ТЫКВЕННЫЙ ПИРОГ

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЯКОВА

«Повешенный, Мир, Жрец!» –
крикнула фигура с виселицы и
ухмыльнулась.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елизавета Голякова

Тыквенный пирог

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Голякова Е.

Тыквенный пирог / Е. Голякова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

По зеленым ирландским холмам бродят духи, беглые боги, друидские жрецы и библейские твари. Кое-кто из них ищет Святой Грааль, чтобы спастись: и от Самайна до Бельтайна жгут костры и молятся по-своему, как умеют, плечом к плечу с друзьями и врагами. Мир может измениться ради них – или они могут изменять мир?..Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Сакраменто – Дублин	5
I	6
II	8
III	10
IV	11
V	13
VI	15
VII	16
Глава 2. Среди ирландских холмов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1. Сакраменто – Дублин

«В колчане дьявола нет лучшей стрелы для сердца, чем мягкий голос.»
– лорд Джордж Гордон Байрон

I

Я давно уже вывел с волос ирландскую рыжину, продымил и прокурил свой запах дождливых трав, зарастил без следа шрамы вокруг губ и стал совсем уже местным парнем, вот только туманный остров в богом забытых скалах я помню лучше своего лица.

Накрапывающий из тоскливо-серого неба дождь напоминал мне родную Ирландию, море угрюмо хмурилось на землю, и пляж опустел, отдавшись волнам и жирным чайкам. (Как по мне, чайки любых габаритов гораздо лучше туристов, а ни у кого больше я не спрашивал).

Она сидела напротив меня в громоздком плетеном кресле, закинув ноги на перила веранды, как будто не боится хозяйку дома и ее грозную декоративную собачку, брехливую и склочную (и никто не узнает, кого из этих двоих я имел ввиду). И курила сигару, с видом, словно она как минимум один из членов палаты пэров. Лучший из них. В тонких девчачьих пальцах сигара смотрится отчаянным фарсом, ноги в истоптанных, мокрых кедах то и дело соскальзывают с перил, но я более чем уверен, что она не играет. Эдакая "девушка-словно" – у нее такое в крови.

Хм. Какого дьявола вообще, ирландского и обычного, каких дьяволов, я сижу здесь, на пляже в Калифорнии, прячу свой недельный запас пива от хозяйки съемного домика, а рядом со мной сидит и прокуривает и свои, и мои легкие самая необъяснимая из всех необъяснимых?

– Черт побери, – наконец говорит Рэйчел.

– Черти.

– Черти! – охотно соглашается она и затягивается. – В общем, Томми,[1] расклад такой: умер дядя. Вернее, его убили, и перед этим он счел нужным загадать мне загадку: кто его убил и зачем.[2] Банально до сведенных скул, тем более он сам уже знал ответ.

Я слабо понимал, каковы же были их отношения и что она об этом думает, поэтому как можно нейтральнее предложил:

– Не разгадывай, если не хочешь.

Судя по ее лицу, услышала она "если не можешь", и это был, определенно, знак не из лучших.

– Я получу все его наследство, замок на скале, конюшню и коллекцию рапир, даже портрет его пра-пра-пра-пра-пра-бабки в корсете, если найду убийцу. Дядя сказал, когда я его найду, он сам и передаст мне это завещание. И ключ от дверей, – она помолчала. – Черти подерите, Ло,[3] у меня будет собственная конюшня! С чертовыми лошадьми! Вот черт!

– Черти, – машинально поправил я. И зачем-то пояснил: – по Дантэ, классическому Евангелию и пиратским песням, их было много, чертей.

– Тысяча чертей! – совсем как заправский морской волк выкрикнула она, и это прозвучало так, словно Питер Пэн нацепил на себя шляпу капитана Крюка. Забавно.

Настоящая Калифорнийская Девушка, с пляжной укладкой и облупившимся черным лаком на ногтях, наконец докурила свою жуткую сигару и взялась за раскиданные тут же бумаги.

– Ты надеешься расследовать это в одиночку? Просто так взять и найти неуловимого преступника, сидя здесь, на белом пляже?

– Я люблю серферов.

– В замке серферов не будет.

Она нахмурилась.

– В моем замке – будут. Тем более, я расследую не одна, – вдруг добавила Рэйчел безо всякого перехода. – Есть еще ты, ты приносишь кофе и убеждаешь людей, что я подросток. Мне нужна твоя темная магия.

О да. Это моя магия. Достаточно просто стоять рядом – и Рэйчи принимают за школьницу. А если без меня – то она прямо взрослая женщина. На самом деле она на пару лет, кажется, старше меня. И у нас дома, в параллельной вселенной, где нет серферов, а море холодное и без пляжей, она была бы моей двоюродной сестрой. Но здесь Рэйчел – это просто Рэйчел. Карманный следователь.

Конечно, вся соль колдовства не в этом – но про это позже.

– Ты же никогда даже не увлекалась детективами, а.

– Ну почему, увлекалась одним... – мечтательно ухмыльнулась она. Но, завидев мою гримасу, сжалилась над юной двадцатилетней психикой, – ну ладно, ладно, только не страдай так. У тебя есть еще комиксы, которые я не читала?

Обреченность моя границ не ведала.

– Может быть, один журнал... Или два.

Рэйчи просияла.

– Тогда в качестве извинений я обещаю мыть руки, прежде чем их брать, аккуратнее стряхивать пепел и не класть на Капитана Америку бутерброды. Идет?

Это была поистине внушительная жертва. И я согласился.

II

Молния словно пронзала мир насквозь, пропитывала его собой, и тогда я собрал вещи, погрузил их в автобус и уехал отсюда к тем самым всем чертям. Отчаянно хотелось куда-то туда, где мир не выглядит так, как будто здесь уже сняли пару летних сериалов. Вот вы смотрели «Кэмп рок?»...

Рэйчел как-то незаметно оказалась рядом. Закинула ноги на мое сиденье с заднего кресла, чуть не ткнув меня носком кеда в щеку, и уткнулась в свои бумаги. Не думаю, что она знала, куда мы едем: ей было все равно.

География перестает иметь значение, когда взаимодействуешь с миром на правильном уровне. Рэйчи постигла это умение в совершенстве и могла бы профессорствовать в университете – я же мог бы считаться кем-то между дилетантом и учителем начальных классов. Ну, зато я приношу кофе и *хотя бы знаю, откуда люди берут его, когда автобус останавливается на заправочных станциях*. Нужно ценить то, что ты можешь.

Где-то в предзвездный час нас догнал дождь. Мне так и не удалось поспать за всю ночь, и я увидел то, что никто больше не замечал: тяжелую, трехцветную радугу среди туманных пластов и темно-серого, рябящего от волн уходящей ночи неба. Тогда я растолкал Рэйчи, даже не дав ей время на пробуждение, только бы на ногах стояла, и мы выпрыгнули из автобуса на пустынную автостоянку.

Потому что радуги без солнца – вовсе не радуги.

У меня едва не дрожали руки, сон, который не удалось прогнать и тройному эспрессо, как великаньей рукой сняло. Я встряхнул кисти и сощурился, отыскивая...

– Эй, что ты задумал, Ло!

Рэйчи ткнула меня кулачком в плечо. Отвесила бы подзатыльник, уж конечно, вот только ей не дотянуться. Я пожал плечами.

– Не прикидывайся идиотом из Америки, малыш. [4]

– И добро пожаловать на новую ступень напряжения? – я хмыкнул. – Рэйчи, сколько лет мы проищем ответ на дядины загадки? Сколько *сотен* лет?

Она не стала мне отвечать, но было понятно, что сколько не концентрируйся теперь, толку будет ноль. О, как же я хотел домой.

Рэйчи, Рэйчи, ты ведь не меньше моего устала от теплых морей и кофе в бумажных стаканчиках – так, боги свидетели, сдался ли тебе этот замок и загадки без ответов?.. Но ей, конечно, очень даже сдался.

Тогда мы пошли по едва заметной тропинке и вышли на пустынное побережье. Море от дождя сделалось черным, свет почему-то не прибавлялся, и мы шли молча. Я ощущал ее мысли физически: там шуршали страницы телефонной книги, скрипели весла в уключинах и стояла непроглядная темнота. И она знала, что я подглядываю. Вскоре она сдалась.

Обернулась ко мне и сдернула с лица маску путеводной звезды.

– Ладно, ты был прав. Давай как в старые добрые, до самого конца и начала. Доволен?

Я сощурился на нее спокойно, как наш родной утес. Вдруг отчаянно возжелалось снова стать рыжим, и я, кажется, даже позволил волосам отливаться в медь. Сила щипала мне кончики пальцев, темнотой маячила в уголках глаз.

– Иногда бывает поздно сдаваться. Да и нет здесь нашего золота.

– Или нет охотников до него?

– Ни того, ни другого.

Рэйчи вздохнула и сдалась во второй раз – признаться, я был удивлен. Уходя дальше, по щиколотку в белом калифорнийском песке, я позволил себе раз обернуться на тающий

конец радуги-не-радуги, и за ним мне на мгновение привиделись зеленые холмы, остров и затопившие его яблочные сады.

От вибрации атмосферы у Рэйчи зачесались ладони, но она, кажется, так ничего и не заметила, потому что если бы замечала такое, я не ходил бы с ней. Мост рассыпался дождевыми каплями и больше никогда не появлялся в этих краях. Мы с ним не появлялись.

III

Мы с Рэйчи шли под проливным дождем. Кто-то еще удивился бы, как она умудряется напрочь игнорировать стекающие по лицу струи воды, но я уже ничему не удивляюсь. Я только украдкой провел пальцем по своей щеке и, не слушая разгоняющееся сердце, проверил цвет. Это была всего лишь благословенная вода.

Тогда я запрокидываю голову к темно-серому куполу неба и пытаюсь поймать капли на язык, а когда надоедает, просто шурюсь в высоту.

– Эй, Томми, пойдём, – нетерпеливая Рэйчел, беспокойная Рэйчел. Она уходит дальше, и я знаю, что больше она даже не обернется. Даже звать бесполезно. Иду за ней, смотрю, конечно, вверх, и поэтому шлепаю прямо по запрудам и крохотным лагунам. Ну да ничего, не впервой. Тем более что я доподлинно знаю, что от простуды умереть мне точно не удастся – будь я так легко смертен, это был бы слишком щедрый подарок тем, кому хотелось называть себя моими врагами.

Почему-то, вот так, до затекшей шеи вглядываясь в плачущее небо, я чувствую себя на пути домой. На долгом, окольном даже – но ведь на пути. Улыбаюсь. Вот значит как.

Рэйчи подкрадывается незаметно. Я знал, что она так сделает, и потому не стал баловать ее и пугаться.

– Больше никаких небесных карт, – объявляет она, словно это для нас новость, – и дверей обратно.

Я прикрываю глаза, защищая свой разум от ее шаловливых лапок.

– Они не откроются.

– Они не откроются.

И мы уходим дальше по пляжу, единственными немножко мертвыми пятнами куда-то за этот теплый, укромно дышащий мне прямо в душу туман.

IV

В конце концов (или в начале начал?) мои перешептывания с миром и невероятное чутье Рэйчи привели нас к ангелам. Мы дошли до зуба из стекла [5], тщетно пытавшегося царапнуть небо, эдакого остова человеческой энергии – и отчего-то он напоминал мне еще одну башню, ныне полуразрушенную, ту, которой никогда больше не быть башней. Говорят, что ее разрушил бог – но уж кому-кому, а мне эти сказки можно было и не рассказывать...

Ангелы стояли и курили. Я бы сказал, что они были умопомрачительно красивы, прекраснее выставленных в музее статуй, прекраснее вселенских рассветов и закатов... Но, во-первых, пару статуй с них и лепили, а, во-вторых, они так упорно прятали эту свою красоту, так старательно поднимали худые плечи в офисных кардиганах и не поворачивались точеным профилем даже друг к другу, что я, признаться, их пожалел.

Обеденный перерыв для них полон запаха дыма, и он клубится вокруг них, прирученный, не торопясь исчезать. Что-то подобно я уже видел, но времени вспоминать, ковыряясь в памяти, не было – Рэйчи нырнула в этот туман, и я скользнул следом.

– Привет, мальчики, – Калифорнийская Девушка снова застилала глаза этой бестии. – Хлеба, вина? [6]

Ангелы, казалось, ничуть ей не удивились. И назвали ее по имени.

– Салют, бандиты! – я достал из ладони сигарету и протянул одному из них прикурить. Рэйчи поморщилась – сама она сигареты не курит, и теперь будет ворчать всю дорогу, что от меня несет падалью и подвалами Тараниса [7]. Ну-ну.

Я видел, как ангел уже собирался было щелкнуть пальцами, чтобы зажечь огонек – но под моим смеющимся взглядом принял условия игры и зажег мне сигарету от своей. И кроме того, мне что-то почудилось в уголке сознания, вспыхнуло, как будто взмах тонкой плети. Тянет же мою дорогую Рэйчи на такое, а...

– Сотерасиэль, – представился он буднично. [8]

– Лофт[3], – кивнул я в ответ и затянулся.

Крылатый чуть не подпрыгнул, выронил сигарету, и в мгновение ока серый тупой кардиган стал на нем чужим и странным, а за спиной звонко щелкнул гибкий хвост с острым кончиком-сердечком.

Ага, хвост! Попался!!

Я выдохнул дым и подмигнул ему, а потом издевательски добавил, что мое имя Томас, и что мою милую спутницу, забалтывающую сейчас второго нелюдя до потери пульса, зовут Рэйчел.

Чертяка смотрел на меня, как в прошлом веке смотрела бы школьница на Джеймса Дина. Дрожащими руками, не отводя от меня взгляда, с трудом вытащил из кармана мятую сигаретную пачку. Это заметила Калифорнийская Девушка и тут же влезла в разговор, избавив меня от необходимости приводить экс-хранителя огня небесного в чувства.

– Томми, ты уже пригласил милых мальчиков в мой замок? Думаю, они не откажутся – когда им подпишут отпуск, – она хихикнула. (Как мелко, сестренка!)

– Как раз собирался. Дело только за малым – нам нужен один тип, который убил ее дядю. Если честно, – я взъерошил себе волосы на затылке и сверкнул *ангельской* улыбкой, – я понятия не имею, кто бы это мог быть.

Второй черт, отдышавшийся после атаки Рэйчи – кажется, он назвался Разаэлем [9]– похмыкал, помялся – да и достал из за спины пару новеньких карт Таро. И отдал их мне, специально постаравшись дотронуться до моей руки.

– Думаю, это вам поможет, – в его голосе не было уверенности, но ведь на то он и был когда-то ангелом тайн. – Больше не в нашей власти.

– Я не забуду о твоей помощи. И о твоей, – я не удержался и подмигнул Сотерасиэлю, и тот побледнел, дернул своим милым хвостиком.

Рэйчел просияла:

– Спасибо, мальчики! И удачи там с работой, что ли!

А потом Разаэль щелкнул зажигалкой, и он оба исчезли в оранжевом пламени – а в воздухе еще долго висел запах костра и гулкое эхо звона стали вперемешку с криками на давно умершем языке.

Мы вышли из дымного тумана, пропахшие давно забытым миром и впервые за долгое время – с крохотным указателем к цели. А над морем снова начинался серый слепой дождь, такой теплый, ласковый, и где-то там, далеко в его сердце, я слышал звонкий, беззаботный смех. Ах, шелки, шелки!.. [10] Передавайте домой привет.

V

Мне захотелось спать. Не то чтобы критично, но если в распоряжении сотня-другая лет, то почему бы и нет.

– Рэйчи, – я даже зевнул, – как насчет какого-нибудь дружественного мотеля, гостиницы или пляжного домика, на худой конец?

Она глянула на меня с интересом.

– А кофе принесешь?

Ну конечно. На пустынном берегу, в тумане по самые помидоры, с сонных глаз я ей принесу кофе. Кто ж еще.

– Принесешь, Томми? Кофейку, горячего, в самом большом стаканчике...

Я прищурился и подкрался поближе к ее мыслям, чтобы подглядеть, не издевается ли она. Не издевалась. Совершенно непоколебимо хотела влить в себя столько кофе, сколько влезет прежде, чем он потечет у нее из носа и из ушей.

Ну вот и что мне оставалось?

– Принесу. Веди к мотелю, кофеманка, – вздыхаю.

– Может, тебе сразу подать Вальхаллу?

– И что, снова драться? В доспехах? Увольте! – я подавил очередной зевок. – Но вот мотель – с превеликим удовольствием.

Тогда она покладисто кивнула, куда-то потянувшись сознанием, зашевелила реальность вокруг. И та поддалась, мягко, почти даже ласково, заботливо разгоняя туман и согревая воздух вокруг нас. Мы оказались возле мотеля.

И мотель назывался «Асгард». Очень остроумно, конечно...

Я ожидал чего-то подобного, но не чтобы вот прямо в лоб. Ну, и то хлеб – и, самое главное, койка-место, чтобы отоспаться. Ноги сами понесли меня туда, но кое-кто в последний момент окрикнул совершенно безапелляционно:

– Теперь мой кофе!

Черт побери, этот проклятый кофе воистину для одержимых дьяволом овец!..

Но еще большим издевательством оказалось то, что я, оказывается, совершенно отвык спать под крышей. Стены смотрели на меня так хмуро и так занудно, что я терпел их полчаса, не больше. Потом бесшумно соскользнул с верхней кровати и смылся оттуда, совершенно по-свински прихватив одеяло. Все лучше, чем этот ваш Асгард, честное индейское.

И когда на облюбованной мной лужайке за мотелем я увидел развалившуюся в садовом кресле, как морская звезда, Рэйчи, я снова ни капли не удивился. Просто улегся в одеяле тут же на траву и ушел так далеко, как только мог уходить.

А утро как-то внезапно упало на нас, словно снег на дурную голову. (Вот так вот засыпай неподалеку от этой девушки! Не моя же голова дурная, так?). Может, Рэйчи и не согласится со мной – не знаю, но я этого утра совсем и не ждал. Так или иначе, а я проснулся с ноткой тяжести в груди и с посвежевшим рассудком. И без одеяла.

Рэйчи потянулась в кресле, ухитрившись и оттуда пнуть меня пребольно, открыла заспанные глаза – да так и замерла. (И я мстительно пнул ее в ответ – нечего было красть мое одеяло и лягаться, karma is a bitch).

– Ты в порыве страсти разбросал свою одежду по спальне какого-то гусара, а потом полез искать ее и спер его доломан? – насмотревшись, понимающе кивнула она. – Тебе идет!

Я оглядел себя и хмыкнул, не желая ни подтверждать, ни опровергать теорию – она мне понравилась, правда. Сел, одернул полы своего и правда не новенького, но бордового, свежематериализованного доломана. И подмигнул Рэйчи. Я уже сросся с доломанами в какой-то далекой прошлой жизни, и сейчас почувствовал себя так, словно почти вернулся домой.

Она только фыркнула. Явно думала о бравых гусарах – тут даже подсматривать за ее мыслями не нужно, все ясно за милю. Гусары...

VI

Рэйчел, отославшись, снова уткнулась в свои расчеты – и, конечно, попыталась еще раз сгонять меня за кофе – и на этот раз присовокупила к заказу завтрак. И я похмыкал, пообещал вычесть пару комиксов из ее обещания, и вышел за едой – почти безропотно, почти покладисто, почти не хлопнув дверью, пока двумя руками оправлял волосы. И мне показалось, или они уже так явственно отливали рыжиной?.. Мне в лицо ударил запах свежей травы и дождя, хотя небо было пожалуй даже вызывающе чисто.

Это все могло быть наваждением кого-то такого же лукавого, могло быть дурным сном, наваянным лужайкой где-то в Калифорнии, даже немного тянуло на тупой розыгрыш от сестренки – но в моем кольце огней я уже слишком долго ходил кругами, точно загнанный зверь.

Я уронил себя в шезлонг и подтянул нити к себе под пальцы. Они дрожали – кто-то стоил новый переход, на этот раз не по тени желания и чувства, а по гигантскому чертежу, жестоко выламывая для него место в реальности. Ну конечно, кто же это мог быть?..

Нити натягивались, и моя вера в Рэйчи тоже вылезла из какого-то тайника. Она ведь взяла откуда-то недостающие точки, подчинила себе их силу. Умница девочка, умница! Я думал, она уже и позабыла, что может вот так – и не только так может.

Вот только мало просто прыгнуть, и я как-то забыл ей про это сказать. Нити натягивались в струны (разумеется, из кишок черной-черной овечки), натягивались и уже звенели, прорезая пространство. Я тронул их пальцами, без примерки и подготовки, даже не думая о том, что у меня получится – по опыту знаю, что я-то всегда готов, а если думать чересчур, то, скорее всего, что-нибудь неловко и непоправимо сломаешь.

Я уже слышал, как Рэйчи вылетает из домика, то ли разъяренная, то ли восторженная – вечно не могу различить, слишком уж близко у нее эти чувства припаялись друг к другу.

Но выйти к шезлонгам она не успела – едва не упала в высокую, по пояс, траву.

– Рад приветствовать вас в нашем межпространственном экспрессе, чаю, кофе? – ухмыльнулся я. Пальцы приятно жгло: огонь границ я сделал родным огнем оружия, и он тоже был мне, конечно, рад.

VII

– Алкогольные напитки только для взрослых, прости, малышка, – я хихикнул, показав Рэйчел язык. О нет, никакой мстительности, но позвольте и мне хоть раз мелкую пакость, а?

Она поднялась, все еще злясь. Не на то, что я влез в ее пути, потому как она прекрасно осознавала, что без моего вмешательства эти поля душистых трав были бы чуть другими, и не теми, которые нам нужны. Нет, злилась Рэйчи на то, что мне для всего этого не понадобились чертежи.

На горизонте приветливо раскинулись каменные развалины. Не иначе как замка, чем-то мне даже знакомого. Ага...

Мы дошли до них и пошли вдоль полуразрушенной кладки. Я прямо слышал и старинные песни в этих стенах, и звон кубков – и звон мечей. А еще огонь. Тот, который огонь оружия, брат-близнец коловшего мне пальцы.

За углом мы набрали на виселицы в ряд. И на одной из них висел человек.

– Хе-е-ей! А вот и вы! Привет, пирожки с котятами! – заорал он, адски ухмыляясь и во всей красе демонстрируя клыки, кстати, неплохие.

Он висел, зацепившись ногами за перекладину и держась за счет согнутых колен. Руки сложил на груди, рисуясь, а обрывок веревки свисал почти до земли. (Так и хотелось за него дернуть!). В его глазах горели, не таясь, огоньки, как в тыквенном фонаре старины Джека на Самайн, [11] а волосы пожалуй что даже эффектно развивались на ветру в свободном полете.

Рэйчи пялилась на него, как на дрессированную обезьянку в первый поход в цирк.

– Повешенный. Мир. Жрец, – нараспев выдохнул он нам в лица наши карты Таро от чертяк прежде, чем я успел спросить, а Рэйчел все-таки дернула за веревку. – Да, и это я убил твоего дядюшку, девочка без головы! А из этого следует что? – он подмигнул нам, раскачиваясь и скалясь своей хамской улыбкой. – Из этого тебе, девочка – ключ!

Повешенный и впрямь сдернул с короткой цепочки на шее ключ грязного золотистого цвета и с поклоном, насколько можно было изобразить поклон, вися вниз головой, отдал его Рэйчи.

– Передавай ему привет, что ли!

И он расхохотался, закачавшись сильнее, а я подмигнул его тыквенноголовым глазам.

– Пошел к черту! – бросила ему девушка. (Обиделась на то, что ее дважды назвали ребенком за последнюю четверть часа, что ли? Необъяснимо...)

Тут сестренка быстро сунула ключ мне и, отпрянув в сторону, обернулась дуллаханом [12], выпустив из шеи столб сине-зеленого пламени прямо в звенящее чистотой небо. А я хохотал до рези в животе, глядя на лицо парня с виселицы. Каков везунчик. Отсмеявшись, сверкнул улыбкой и бросил ей мешочек с ключом – через ткань он не должен ее обидеть.

Вы когда-нибудь обнимались с безголовым всадником смерти? А вот Рэйчи расщедрилась на объятия для меня, и я крепко ее обнял, заодно нарочно попав пуговицей доломана в глаз зажатой под мышкой голове.

– Пригласишь на новоселье? – хихикнул я в ответ на ее шипение.

– Но алкогольные напитки будут только для взрослых, малыш, – пламя плясало вслед за словами, и я рассмеялся, принимая ответный удар.

Рэйчел стрельнула в меня глазами, щелкнула пальцами свободной руки – и исчезла. А я, все еще посмеиваясь, помахал Повешенному рукой и пошел вниз по полю душистых трав, вдыхая домашний запах до боли в легких. По курсу у меня был самый лучший бар из баров моего Яблочного Острова, зеленой моей Ирландии, и я хотел всерьез презреть издевку сестренки про «взрослые напитки».

Держись, Дублин!

Глава 2. Среди ирландских холмов

Легкий воин танцевал. Два кинжала, как продолжения его рук, даже не сверкали в воздухе – они были неразличимы, сливались в одно сплошное живое марево. И это марево-то было живым, а человек в грязно-черном балахоне упал на колени, с выражением еще искреннего изумления пытаясь задержать руками хлещущую из горла кровь, захрипел. Легкий воин на мгновение задержался, хмыкнул – и откинул длинную косу назад.

Голова человека просто съехала с его шеи, отделенная хирургически ровным срезом.

Воин задорно перепрыгнул ее и пошел дальше, шлепая по алой луже, пахнущей металлом и чем-то сладким, почти благовониями. Над головой его сияло теплое ласковое солнце, небо слепило искрней синевой. В замке на холме наступило лето.

– Это был кто? Чернокнижник?

– Вроде... или нет...

Вздых.

– Человек?

– Ну... человек.

– Сладким деревом и салатной заправкой пах?

– Ага, – скучающе.

– И зачем ты сделал его самого... кхм... салатной заправкой?

Ирьиллин Айбер запрокинул голову и перегнулся через спину каменного крылатого льва, вверх тормашками глянул на говорившего и паскудно улыбнулся.

– Лакс, не надо ныть, умоляю! – капелька крови со щеки побежала в обратную сторону, к глазу, и Ирьиллин украдкой ее смахнул. Облизнулся. – Он призывал тварь из Бездны и хотел, чтобы она сделала его главой гильдии. Он вот *в этом самом месте* призывал демона, и демон бы его сожрал, не удостоив даже участи салатной заправки, а я просто сделал его тем, кем этот чернокнижник и добивался стать.

– Главой какого конкретно ордена? – кашлянул названный Лаксом.

– Жижеобразного, – отмахнулся тот.

Двое друзей, один – залитый чужой кровью, другой – в чистой жреческой одежде, стояли посреди развалин древнего замка. Каменные львы еще охраняли парадную лестницу немymi привратниками, ангелочки еще хохотали с капителей колонн, но теперь, слава богам, были предоставлены сами себе. Замок на холме, Зеленый Замок короля-без-имени, теперь охотно принимал гостей из любых миров. Говорят, последний, кто пытался запретить кому-то сюда войти, был раскушен Хаосом напололам... Впрочем, Ирьиллин утверждал, что это все брехня, и он никого не кусал. Больно, мол, надо.

И сейчас они вдвоем расхохотались, собрали нехитрые пожитки, халтурно припрятанные за задницей другого льва, и покинули это место, унося пряное и свежее лето с собой.

Дорога, которую они выловили у подножия холма, к ночи привела их в крохотный городок. Число жителей на табличке при въезде путники забыли посмотреть, но неоновая вывеска над первым встреченным мотелем ожидаемо мигала домашним «vacancy». Не сговариваясь, они повернули туда.

– Лакс... Лакс, Бельгайн на носу.

Жрец поскреб бороду, деловито кивнул.

– Вряд ли мы все-таки соберем всех окрестных магов в очередной раз. Нельзя же каждый год попадать в одно и то же говн...

Ирь глумливо хохотнул и ткнул человека в спину, направляя к освещенному окошку мотельного администратора.

– В прошлый раз они сбежались на меня из четырех соседних городков, через холмы и одну реку! Я на этом твоём «одном и том же» уже как на батуе.

– Ты знаешь, – жрец глянул на друга с высоты своего роста прежде, чем зайти в домик администрации, – будь я тобой, я бы их так не шугался. Проверял, что будет, если они все-таки не только слетятся к тебе, но и присядут?

– Хочешь сказать, еб*нет или не еб*нет? – Ирь дождался кивка исключительно из принципа. – Ну уж нет! Мне их будет слишком жаль, и слезы мои затопят мир, нехорошо получится... Стучись уже, че встал-то.

Ключ им хмуро чуть ли не бросили в морды. И, надо же, сонный администратор даже не покосился на странных постояльцев: что у одного доломан и диковинная прическа, а в другом два метра роста и что в бороде он прячет снисходительно-вежливую ухмылку. Когда накануне костров Бельтайна двое путников заявляются посреди ночи, пешком, пахнут кровью и дымом, да еще и совершенно трезвые – это худшее из возможных зол. Пусть себе заявляются, лишь бы не притащили с собой переносной алтарь.

Ох, знали бы те, кто так рассуждает, что жрецам нет нужды в алтарях...

Лакс был хорошим жрецом. С ним считался даже Ирвиллин, даром, что Лакс был человеком – впрочем, кто бы кроме жреца согласился таскаться с *этим*? Легкий воин с двумя кинжалами и косою до середины лопаток, за которую друг регулярно над ним издевается, не человек даже, даром что так похож. Если присмотреться, можно заметить, как бесчувственно улыбаются невинно-голубые глаза и как застывает маской его лицо, когда он забывает быть человеческим.

Жрец щелкнул выключателем, и в бесхитростном номере на двоих загорелся тусклый свет. Лакс буднично вздохнул: он видел комнаты и похуже, и по колено в крови и кишках, и не по колено, но такие номера в придорожных мотелях неизменно навевали на него тоску. А Ирь проворно поднырнул под его руку, мазнул рукой по кровати и упал в единственный стул с хозяйским «о, телек!». Пульт через спину полетел обратно на кровать, и только потом зомбоящик отреагировал на нажатую кнопку и зажегся.

– Там есть орешки? – требовательно протянутая рука.

Лакс фыркнул.

– Только мои. Но я знаю, что ты достаточно испорчен, чтобы...

Ирвиллин обернулся к нему всем корпусом:

– Они еще на месте? Вот это новость!

И тут же отвернулся обратно, похохатывая над своей колкостью и мысленно возобновляя счет. До Бельтайна оставался день, и счет за темную половину года стал 112:83.[13]

Было еще темно, когда Ирвиллин потянулся и соскочил с нерасправленной постели, как кошка. Он проспал только половину ночи, и то беспокойным, чутким сном – приближающиеся костры Бельтайна будоражили кровь и не давали забыться.

Воин не стал расталкивать Лакса. Только выудил из его кармана сигареты, накинул доломан на плечи и выскользнул за дверь. На ходу парой заученных движений пригладил выбившиеся из косы волосы, заправил за уши те пряди, которые падали на лицо.

Было так тихо, как бывает только за четверть часа до туманного рассвета. Такого, что солнце не взмоет над горизонтом, а только обозначит свое присутствие, подкрадет, не тронув молочно-белое море над землей. Ирвиллину нравились такие утра. Он стоял и курил на крыльце, рассматривал последние копошащиеся ночные тени, а по затылку от малейшего дуновения ветерка его бил красный мешочек, пахнувший розмарином, лавандой и солью. Ирь пошарил рукой и сорвал его, бездумно положил саше на узенький подоконник.

Если бы обереги от вторжения хаоса помогали, ему пришлось бы несладко.

Жрец появился в дверях бесшумно, каким-то образом ухитрившись даже не заскрипеть подмоченным за зиму порогом. Взъерошенная борода выдавала, как крепко и сладко он сегодня спал.

– Как день начнешь, так его и проведешь, – философски заметил Лакс. – Ты не все там еще скурил?

Друг протянул ему полупустую пачку, жрец вытащил себе одну, но поджигать не стал – так и стоял с незажженной сигаретой, тоже вслушиваясь, пропитываясь этим новым, оглушительно тихим утром. Туман словно проглотил все звуки, оставив только далекое бормотание телевизора в каком-то из соседних домиков. Должно быть, постоялец заснул, так и не выключив очередное ночное ток-шоу.

Воин выкинул окурок и прислонился к дверному косяку. Глянул на человека ничего не выражающим взглядом.

Тот с легкостью его прочитал.

– На знаю, Ирь. Совсем ничего об этом не знаю. Но надо будет попробовать. Не найдем чашу здесь – пойдем дальше, велика беда.

– Я тебя и не тороплю, – воин неопределенно пожал плечами. – А вот яд у тебя внутри – вполне.

Воздух потеплел. Видимо, солнце поднялось над горизонтом, все еще невидимое, но все равно протягивающее свои руки к зеленой земле. Занимался новый день, уже совсем летний и все настойчивее растущий. Верхушка холма вынырнула из тумана, словно из воды, а потом ее кто-то неаккуратно обмакнул в солнце.

– Я жрец, вообще-то, а не хрустальная принцесса!

Ирьиллин прекратил принюхиваться к утреннему воздуху и переглядываться с холмом и наконец рассмеялся, высоко вскинув брови:

– О, как я мог вас так перепутать!..

И он ушел, а жрец проследил за его последним взглядом, словно примериваясь, заранее пробуя залитый солнцем холм на вкус и на запах. Хмыкнул и улыбнулся своим мыслям. Его чертовски забавляло, как его друг тянется к магии и сам же отряхивается от нее, словно кот, наступивший в воду. Отчасти это было даже правдой – если принять, что коты необходимы на корабле.

Двое друзей заглянули к администратору и отдали ему ключ. Тот едва понял голову от венка из молодых побегов и цветов, и Ирь непроизвольно вздрогнул, словно случайно дотронулся до толстой сороконожки посреди ночи.

Уже в дверях администратор окликнул их.

– Вы ведь жрецы, да? – и ворчливо: – По крайней мере, один из вас. Ждать вас сегодня на холме?

Лакс спрятал усмешку в бороду.

– Не ждите. Что-то должно случиться, так что лучше готовьте орехи и вино и идите веселиться. Мы тоже там будем.

Что-то должно случиться. Ирьиллин с удовольствием вдохнул свежий воздух, обнаружив, что у администратора вообще-то пахло сладким медом и деревом, и ему было не по себе от этого запаха, каким бы невинным он ни казался.

Что-то должно случиться. Ну конечно, это же Бельтайн.

Лакс шел рядом и посмеивался, предвкушая ночь. Он понимал в таких вещах и знал, когда обещать события. Слишком хорошо знал.

– Почему ты так не любишь магию? Что с ней не так? – в который раз он уже это спрашивал? В сотый? В сто первый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.